

Ю. Кэ

Мифы древнего Китая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Ю11

Ю11 **Ю. Кэ**
Мифы древнего Китая / Ю. Кэ – М.: Книга по Требованию, 2023. – 133 с.

ISBN 978-5-458-32597-4

Автор книги предпринимает попытку охватить целиком китайский эпос и систематизировать его. В книге дан пересказ значимых эпических произведений древнего Китая.

ISBN 978-5-458-32597-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

первоначально, согласно Шаньхайцзину - «Книге гор и морей», был странным существом с одной ногой, а в Шущзине - «Книге исторических преданий» в разделе «Установления Яо» он превратился в чиновника, ведавшего музыкой при императоре Шуне. Ай-гун, князь государства Лу, которому была не совсем ясна эта легенда, спросил Конфуция:

«Говорят, Куй - одноногий. Действительно ли у него была только одна нога?»

«Выражение "Куй и цзу",- незамедлительно ответил Конфуций,- вовсе не следует понимать, как "Куй - одноногий", оно значит: "Людей, подобных Кую,- и одного было бы достаточно"».

(Выражение "Куй и цзу" в силу того, что иероглиф цзу имеет два значения: "нога" и "достаточно", может быть понято двояко. На этом основывается приведённая выше интерпретация Конфуцием этого выражения, как "[подобных] Кую,- и одного достаточно".)

Можно сомневаться в том, происходила ли действительно эта беседа, однако она даёт представление, как конфуцианцы толковали содержание мифов таким образом, чтобы их можно было рассматривать как историческую реальность.

В течение продолжительной человеческой истории мифы испытывали всевозможные превратности судьбы, и в результате различных изменений и переосмыслений немало ценного в них было утрачено, а то, что история создавалась из переработанных мифов, нельзя считать счастливым для неё обстоятельством.

Вплоть до Ло Би, жившего во времена сунской династии и написавшего книгу Луши - «Древнейшая история», продолжался процесс переосмысления содержания мифов. При написании Луши автор использовал много мифов, однако все они были превращены в историю. Даже сказание из книги Хуай-нань-цзы о стрелке И, который победил диких кабанов и уничтожил змей, обработано так, что кабаны и змеи, вопреки всему, были там представлены как люди.

Всё это достаточно определённо объясняет, почему искажались и исчезали мифы.

В чём же причина исторического переосмысления мифов? При более глубоком рассмотрении становится очевидным, что оно вызывалось стремлением привести содержание мифов в соответствие с интересами господствующего класса. То, что в мифах не соответствовало его интересам, не получало широкого распространения, и, напротив, то, что могло благоприятно распространяться и сознательно распространялось в народе, несомненно соответствовало интересам господствующего класса. Представители господствующих классов превратили героев труда, чьи образы были созданы народом в мифах и преданиях, в своих предков, подняли их на небо и мечтали, чтобы деяния их, записанные в истории, были окружены царственным ореолом, а деяния героев устных преданий трудового народа рассматривались как «неизящные», о которых даже «говорить неудобно тому, кто носит чиновничий пояс». Поэтому «исправление» Конфуцием облика четырёхликого Хуан-ди и одноногого Кую, безусловно, вызывало одобрение представителей господствовавших классов.

Хун Син-цзу (1090 - 1155 гг.) в дополнениях и комментариях к «Вопросам к небу» Цюй Юаня приводит такой миф из книги Хуайнань-цзы, общий смысл которого сводится к следующему.

После того как Юй обуздал наводнение, он, превратившись в медведя, пробрался на гору Хуаньюаньшань. Его жена Тушаньши, перепугавшись и застыдившись, убежала в сторону горы Сунгаошань. Юй нагнал её у подножия этой горы, но она превратилась в камень. Впоследствии из этого камня родился их сын Ци.

Мы уверены в том, что этот очень интересный в своём первоначальном виде миф не подвергся сколь-нибудь значительной переделке и сохранил свой первобытный облик. Однако то, что он отсутствует в дошедшем до нас тексте Хуайнань-цзы, может быть объяснено только тем, что он как «вульгарный» был исключён из этой книги «господами, носящими чиновничий пояс». Их редакторские топоры и секиры подвергли совершенно неисторическую по своему содержанию книгу Хуайнань-цзы тщательной переделке и переработке в соответствии с желанием господствующих классов.

Не только Хуайнань-цзы, но и более раннюю книгу Чжуан-цзы постигла такая же участь. Книга Чжуан-цзы дошла до нас уже не в первоначальном виде, многие из её глав утрачены. Основываясь на «Предисловии к толкованию классических книг» Лу Дэ-мина, можно сказать, что глава «Цзапань» из Чжуан-цзы по своему

содержанию во многом была похожа на «Книгу гор и морей» и какую-то книгу гаданий и толкований снов. Чрезвычайно пёстрая по содержанию, она не нашла одобрения со стороны последующих поколений, значительная часть её погибла. Кроме того, мне кажется, что многое из этой книги было сознательно выброшено «учёными».

В сохранившихся до наших дней мифах, кроме той большей их части, которую господствующие классы включили в свою родословную, превратив их героев в «истинных богов», имеется ещё немало «злых и коварных божеств», мифы о которых Горький называет «богоборческими». Таковы образы стрелка И, Гуня, Чи-ю, Куа-фу, Син-тяня и др., которые постоянно не давали покоя высокопоставленным учёным. Что делали эти «учёные», если узнавали о распространении какого-либо «мятежного» мифа, который, разумеется, мог повлиять на положение правителей? Лучше всего было, считали они, «исправить» его и превратить в историю. «Богоборческие мифы» на страницах истории принимали иной вид. Стрелок И, уничтоживший чудовищ, чинивших вред людям, в истории выступает как низкое животное, погрязшее в разврате, не совершавшее добра для людей; Гунь, укравший у небесного правителя сижан, чтобы прекратить наводнение, в истории фигурирует как строптивый, не подчинившийся приказу свыше и не совершивший благих дел. Трудно сказать, совершал ли Чи-ю добрые дела. Первоначально он был лишь богом-мятежником. Когда же его образ появился на страницах истории, ему приписали массу преступлений и дурных дел. А правители последующих поколений даже делали его изображения на кубках в знак предостережения от жадности. «Исправление» мифов и превращение их в мнимую историю делалось для того, чтобы привести их в полное соответствие с интересами правящих классов. Естественно, что мифы терялись и исчезали. К счастью, осколки мифов сохранились благодаря поэтам и философам. Однако сохранение мифа как такового вовсе не было их целью. Когда поэты использовали мифологические образы, они лишь стремились с их помощью глубже раскрыть свой замысел и неизбежно приукрашивали и переделывали их. Поэтому Лу Синь не без основания говорил, что «поэты - враги мифов». То же, самое можно сказать и о философам, которые использовали мифы, чтобы пояснить свою мысль; они неизбежно искажали первоначальный облик мифа, приводя его в соответствие с толкованием той или иной части своего учения.

Например, в главе «Сяояю» книги Чжуан-цзы есть описание превращений рыбы кунь и птицы пэн. Без глубокого анализа этого отрывка всякий считает его только притчей, а не мифом. На самом же деле он напоминает один из древних мифов. Или описание страны Хуасюйши из главы «Хуан-ди» в трактате Ле-цзы и Чжунбэйго из главы «Вопросы Тана», - всё это красивые мифы, однако философская обработка делает их сухими и неинтересными.

Но всё-таки поэты и философы сохранили немало осколков мифов. Какой богатый материал оставил нам Цюй Юань в «Элегии отрешённого», «Девяти напевах», «Дальнем путешествии» - этих красивых стихах и поэмах! Особенно его «Вопросы к небу» с их удивительной фантазией, поднимающейся в небо и спускающейся на землю, объёмлющей всё, что только есть в мире. Как жаль, что, ограниченный стихотворной формой, да к тому же только вопросами, поэт оставил нам произведение, которое трудно толковать. Если первый комментатор «Чуских строф» Ван И, живший 1800 лет назад, уже сам не избежал произвольных толкований и во многом опирался на собственные домыслы, то последующие поколения привнесли ещё больше спорного и неясного, придерживаясь совершенно неверных толкований. Однако если мы потратим время и изучим их, то всё-таки сможем отыскать в общих чертах ключ к ним, и уже немало учёных добились успехов на этом поприще. Если не считать «Бесед и суждений», записанных учениками Конфуция, где, кроме фразы «не говорить о чудесных силах и всяких духах», действительно не найдёшь ничего, связанного с мифологией, то в таких сочинениях философов, как Мо-цзы, Чжуан-цзы, Хань Фэй-цзы, «Вёсны и осени Люя», Хуайнань-цзы, Ле-цзы, можно найти немало мифов. Даже из таких конфуцианских трактатов, как Мэн-цзы или Сюнь-цзы, можно извлечь осколки некоторых древних легенд. Сюнь-цзы в главе «Фэйсян» при описании святых правителей и мудрых сановников древности даёт много материала для мифолога. Конечно, больше всего мифов сохранилось в даосских трактатах Хуайнань-цзы и Ле-цзы. Хотя последнее сочинение есть подделка цзиньских авторов (III - V вв. н.э.), оно не очень далеко отстоит от древности. Тогда ещё немало мифов бытовало в народе и попадалось в записях; их-то и включили в трактат Ле-цзы, возможно, обработав, но едва ли придумав полностью (ведь те, кто подделывал книги, должны были добиться доверия современников, и если бы они придумывали от себя, то никто бы им не поверил), поэтому нам следует доверять мифологическим элементам Ле-цзы, как имеющим определённую ценность.

3. «Книга гор и морей» как наиболее богатый древний источник материалов по мифологии. Рисунки и текст «Книги гор и морей». Необходимость глубокого и тщательного изучения текста памятника.

Единственным сохранившимся до наших дней сочинением, содержащим значительное количество материалов по древнекитайским мифам, является Шаньхайцзин - «Книга гор и морей», состоящая из восемнадцати цзюаней. Раньше она приписывалась императору Юю и Бо И, в действительности автор её неизвестен. Она создавалась разными людьми в различные времена. Её центральная часть «Уцзаншань цзин», можно с уверенностью сказать, является произведением эпохи Восточного Чжоу; «Хайнэйвай цзин», включающая восемь глав, создана, по-видимому, в период Чунь-цю - Чжаньго; «Хуан цзин» из четырёх глав и «Хайнэй» из одной главы, должно быть, написаны в начале династии Хань. Мифы, рассказанные в этом произведении, хотя и представляют собой разрозненные отрывки, однако сохранили свой первоначальный облик.

«Уцзаншань цзин», иначе называемая просто «Книга гор» - «Шань цзин», содержит в себе описания растений и животных, знаменитых гор и величайших рек Китая, а также населявших их злых и добрых духов. Достоверность всех многообразных сведений, сообщённых в ней, сейчас уже проверить невозможно. Благодаря тому что после каждого раздела следует моление духам с упоминанием петухов, яшмы, зерна и т.д., можно заключить, что это была, по-видимому, книга заклинаний, которой пользовались шаманы.

Разделы «Книга о том, что в морях и за морями» и «Книга пустынь», иначе вместе называемые просто «Хай цзин» - «Книгой морей», содержат описания различных удивительных перевоплощений духов и описания внешнего облика и обычаев народов далёких стран. Их стиль в общем одинаков с «Книгой гор», а текст не

отличается такой связностью. Как могло так случиться? Думаю, что ответ на этот вопрос можно найти, исследуя связи между рисунками и текстом в «Книге гор и морей».

Первоначально, в древние времена, в «Книге гор и морей» имелись иллюстрации, которые, по всей вероятности, делались к важнейшим местам книги, и поэтому её еще называли «Изображения гор и морей». В качестве доказательства этого можно привести слова из стихотворения поэта IV в. Тао Цяня: «...рассматриваю "Изображения гор и морей"». Однако связи между иллюстрациями и текстом в «Книге гор» и «Книге морей» различны, и это требует дополнительного исследования. По-видимому, «Книга морей» первоначально состояла из рисунков, потом появился текст, причём он служил лишь пояснением к рисункам. «Книгу гор», напротив, следует рассматривать как книгу, первоначально состоявшую из связного текста, в которую лишь впоследствии были включены иллюстрации. Наилучшим доказательством этого является то, что в современном тексте «Хайнэйвай цзин» мы часто встречаем выражение «и юэ» («также говорят»): «Юй-шицзе жила к северу от него, она была человеком с чёрным телом, с двумя головами, на каждой из которых было по змее: на левом ухе - зелёная змея, а на правом - красная».

«Также говорят: в десяти днях пути на север жили люди с чёрными телами и человеческими лицами, у каждого на голове было по черепахе» («Хайвай дун цзин»). «Тао-цюань похожа на собаку, зелёная, ест людей, начиная с головы; Цюн-ци напоминает тигра, но с крыльями, поедает людей, начиная с головы; они прикрываются [от него] волосами, живут к северу от Тао-цюаня. Также говорят: начинает с ног» («Хайнэй бэй цзин»).

Когда Лю Сю редактировал это сочинение, уже было два или более различных текстов, с разными рисунками и соответственно с разными пояснениями; например «змея» вдруг превратилась в «черепаху», а выражение «ест людей, начиная с головы» превратилось в «начинает с ног». Но эти расхождения были незначительны. Би Юань, который в середине XVII в. комментировал «Книгу гор и морей», писал: «Рисунки к "Хайвай цзину" и "Хайнэй цзину" и есть [то, что было изображено] на треножнике [императора] Юя». Это в общем верно, когда мы говорим о ранних временах - об изображениях, распространённых в начальные годы периода Борющихся царств, однако позднее уже появились совершенно очевидные расхождения. Би Юань далее отмечал: «Рисунки с объяснениями в последующих пяти разделах "Дахуан цзина", должно быть, и есть те рисунки, которые распространялись во времена династии Хань». Многие с этим согласны, однако если мы сравним «Хай цзин» и «Нэй цзин», то увидим два различных объяснения столь значительных расхождений в тексте. Би Юань по поводу этих различий постоянно замечает: «Это, по-видимому, поясняет то-то из такого-то раздела "Вайхай"». «Это, по-видимому, поясняет то-то из такого-то раздела "Нэйхай"».

С нашей точки зрения, дело отнюдь не в пояснениях, а в том, что рисунки, распространявшиеся в начале династии Хань, сильно отличались от тех, которые были раньше. А поскольку текст создавался в соответствии с рисунком, то естественно, что эти две книги приобрели различный вид. Однако так как в «Книге гор» тексты больше чем в остальных частях соответствуют изображениям, мы можем предположить, что сначала появился текст, а только затем рисунки к нему.

«Книга морей», сохранившаяся до наших дней, дает очень много материалов по древнекитайской мифологии и является настоящей сокровищницей для исследователей мифов древнего Китая. Так как в ней за основу были взяты рисунки, а текст - лишь пояснение к ним, то неизбежно встречаются расплывчатость и недосказанность. Например, в разделах «Хайнэй» и «Хуан цзин» «Книги морей» мы читаем:

«На горе Змеиной шаманки - Шэу есть человек, держащий в руке бокал (?). Он стоит лицом к востоку. Эта гора ещё зовётся Черепашьей - Гуйшань. Си-ван-му сидит на возвышении, в волосах у неё украшение шэн. К югу от неё три синие птицы, что приносят ей пищу. Они живут к северу от Кунь-луньской. Есть человек по имени Тайхан-бо, он держит в руках копьё... ("Хайнэй бэй цзин")».

За Восточным морем большая пустыня. Это страна Шао-хао. От Шао-хао родился Чжунь-суй. Он выбросил его цитру и гусли. Есть гора Сладкая - Ганьшань. Из неё течёт Сладкая река - Ганьшуй и берёт начало Сладкий источник - Ганьюань. К юго-востоку от большой пустоши есть гора Пимудию. За Восточным морем посреди большой пустыни стоит гора Даянь, откуда выходит солнце и луна...» («Дахуан дун цзин»).

Действительно, этот текст соответствует рисункам, каждый из абзацев самостоятелен, и они совершенно не связаны между собой. В самом последнем разделе, «Хайнэй цзине», мы обнаруживаем, что области, рассматриваемые в ней, обозначены произвольно, без какой-либо последовательности: с востока на запад, с запада на юго-запад, на юг, на север. В тексте много непонятного, недосказанного, например в «Хайвай нань цзин» говорится: «Государство трёх племён мяо находилось на восток от реки Чисуи, Красная вода, население его походило на людей». По этому описанию трудно представить, каким был в действительности их облик. А в «Хайвай дун цзин» говорится: «Туньтунь находились на север от них, каждый из них имел две головы». Облик этих странных существ мы тоже не можем представить себе.

В «Дахуан дун цзине» сказано: «Была разноцветная птица, напоминающая деревню (?) и бросающая песок. Только с Ди-цзюнем она вела дружбу». Это выражение также трудно объяснить. В «Дахуан нань цзине» сказано: «Был дух, который назывался Иньиньху... Жил на далеком юге, выпускал и загонял обратно ветер»; или ещё: «Был человек по имени Ши И... жил на северо-западе, наблюдал за величиной солнца и луны».

Аналогичных примеров можно привести немало. Когда был текст, пояснявший рисунки, такие неясности не имели значения, достаточно было лишь взглянуть на изображения, и всё становилось ясным, поэтому нет ничего странного в том, что Тао Юань-мин с удовольствием и интересом рассматривал «Изображения гор и морей». Однако, после того как древние изображения были утрачены и до нас дошёл лишь пояснительный текст, неизбежно приходится бродить в потёмках.

Несмотря на всё сказанное выше, «Книга гор и морей» представляет собой произведение, сохранившее для исследователей больше всего мифологического материала. Многие специально занимались изучением памятника, однако все их исследования были бессистемными, да и сам текст «Книги гор и морей» очень отрывочен. Никто не рассматривал его под углом изучения мифов, а такое исследование было бы весьма важно, оно бы очень помогло в систематизации древнекитайских мифов.

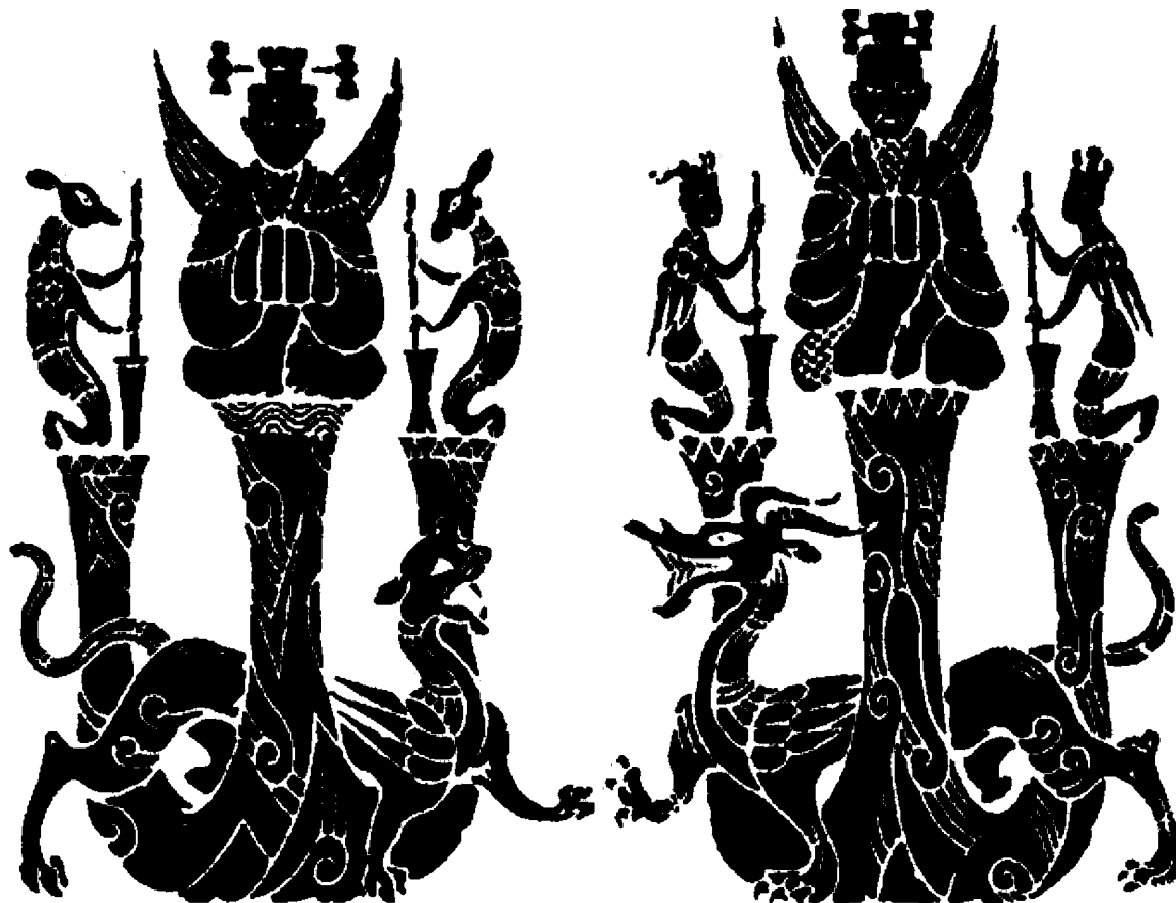
Следует ещё отметить, что «Книга гор и морей» среди прочих древних книг является весьма трудной, в ней временами нелегко объяснить текст, а провести глубокое исследование, естественно, еще труднее. Поэтому работа по исследованию древнего текста и комментированию (особенно это касается части «Книги морей») весьма полезна. В настоящее время существуют два комментария к «Книге гор и морей»: «Комментированный текст к "Книге гор и морей"» Би Юаня и «Комментарии и толкования к "Книге гор и морей"» Хао И-сина. Обе эти книги, сохранившие древние комментарии Го Пу, очень неплохи, причём в последней из них встречаются весьма глубокие толкования. До появления двух этих работ уже имелась работа У Жэнь-чэня «Обширные комментарии к "Книге гор и морей"», в которой приводится исключительно богатый материал. К сожалению, она превратилась в библиографическую редкость.

Так как у комментаторов при изучении мифов не было своей определённой точки зрения (в те времена, разумеется, ещё не знали самого термина «миф»), поэтому всем им присущ один общий недостаток: они не избежали стремления всё необычное, сказочное сделать возможным и реальным. Например, в «Хайвай бэй цзине» сказано: «Приблизжённый Гун-гуна сказал, что Сяв Лю [имел] девять голов» Совершенно ясно, что речь идет о девятиглавом чудовище. Би Юань же стремится истолковать это следующим образом: «По-видимому, выражение "девять голов" означает девять человек», т.е. создаёт исторически правдоподобное явление.

Или ещё в «Хайнэй цзине» сказано: «Имелось дерево с синими листьями, с коричневым стволом. Оно цвело чёрными цветами, приносило жёлтые плоды и называлось цзяньму. Тай хао юань го, то, что сделал Хуан-ди». К словам «Тай хао юань го» есть комментарий Го Пу: «Имеет смысл: "Фу Си проходил под ним"». Хао Итсин даёт следующее толкование: «Сказано: "Фу-си, родился в Чэнцзи, отойдя недалеко, он без труда прошёл мимо него"». Оба эти толкования не разъясняют смысла выражения «юань го». Основываясь на нашем исследовании, мы считаем, что «го» имеет более широкий смысл, а всё выражение означает: «По цзяньму поднимались на небо и спускались на землю» (гл. II, разд. 4, где говорится о небесных лестницах). Подобное объяснение правильнее двух упомянутых выше. Мною приведены эти два примера лишь для того, чтобы объяснить следующее: глубокое и детальное изучение этой книги, проведённое на базе научного исследования, представляется необходимым.

4. Эволюция и развитие мифов. Мифы и суеверия. Миф и легенда. Миф и сказание о бессмертных. Зачем нужно изучать мифы?

Многочисленные народности, населявшие территорию древнего Китая, находились в тесном соприкосновении друг с другом, мифы этих народностей постоянно контаминировали друг с другом, изменялись и подверглись значительному смешению. Древние мифы записывались уже в течение весьма продолжительного времени - начиная с эпохи Восточного Чжоу до периодов Вэй, Цзинь и Шести династий, что составляет более тысячи лет. Нечего и говорить, что время, равно как и те, кто записывал мифы, накладывали на них свою печать. Поэтому исследовать и реконструировать по отдельным осколкам древние китайские мифы и воссоздать их прежний облик действительно весьма трудно. Кроме того, сами мифы всё время изменялись и развивались. Это хорошо видно на примере эволюции мифа о Си-ван-му. Си-ван-му, судя по описаниям в «Книге гор и морей», первоначально была жестоким духом «с хвостом барса, зубами тигра и всклокоченными волосами», насылавшим болезни и ведавшим наказаниями. Три синие птицы приносили ей пищу. В «Жизнеописании государя Му» рассказывается о том, как чжоуский Му-ван, восседая на колеснице, запряжённой восемью прекраснейшими скакунами, отправился в горы Янь-шань повидать Си-ван-му, с которой он там сочинял стихи и пел песни. По-видимому, Си-ван-му в то время была царицей в человеческом облике. В более поздней работе Хуайнань-цзы говорится: «Стрелок И попросил у Си-ван-му лекарство бессмертия», и Си-ван-му вдруг превратилась из злого духа в доброго. В «Истории о ханьском У-ди», приписываемых Бань Гу, Си-ван-му приобретает иное значение - она превращается в «ван-му» (царицу-мать) Запада. Здесь мы имеем лишь некоторое упрощение имени, что же касается трёх птиц, то их описание не подверглось каким-либо изменениям. В несколько более позднем сочинении Ханьунэй чжуань, которое также приписывается Бань Гу, образ Си-ван-му ещё более приукрашен - она изображается в виде прекрасной женщины «тридцати с лишним лет», «красотой покорявшей мир», а три синие птицы, которые раньше приносили ей пищу, превратились в весёлых и красивых служанок. Разница между образами Си-ван-му «с хвостом барса, зубами тигра и всклокоченными волосами», жившей в горной пещере, и ван-му - царицей - такая же, как между небом и землёй!

Подобные изменения являлись следствием намеренного исправления и приукрашивания со стороны литераторов и не могут рассматриваться как результат естественного развития и эволюции мифов.

Однако не следует пренебрегать тем влиянием, которое оказывали - эти исправления и приукрашивания на мифы. Каждый из мифов, претерпевший подобные исправления, в свою очередь превращался в источник новых народных мифов. Например, Си-ван-му в народном предании - это не злой дух с «хвостом барса и зубами тигра», а прекрасная хозяйка Запада. В «Книге гор и морей» говорится только о Си-ван-му, а в «Книге о чудесном и необычайном» появляется Дун-ван-гун, не кто иной, как супруг одинокой Си-ван-му. Первоначально я считал, что это всего-навсего лишь выдумка литераторов, и не придавал этому какого-либо значения. Однако недавно я прочитал о Пике духа женщины из народных преданий местности Сянься, собранных Тянь Хай-янем, где Дун-ван-гун, вопреки моим представлениям, выступает в роли духа супруга Си-ван-му. Это, невольно удивив, заставило меня задуматься: был ли Дун-ван-гун первоначально создан литераторами, а затем уже проник в фольклор или его образ возник на основе уже бытовавших в народе устных преданий? Вопрос заслуживает изучения. Исследовательская работа по мифологии не может быть успешной без детального и тщательного изучения эволюции мифов.

При работе над мифами следует ещё обратить большое внимание на то, как из мифов выделить суеверия.

Чжоу Ян говорит: «Безусловно, мифы и суеверия первоначально отражали определённые примитивные представления древних людей о мире, отражали их верования в сверхъестественные силы. Однако значение мифов и суеверий различно. Суеверия, которые не имеют отношения к сверхъестественным силам, следует; просто отбросить; многие же мифы часто носили активный характер по отношению к окружающему миру и нередко были подлинно народны, а суеверия, пассивные по своей природе, нередко отражали интересы господствующих классов. Это различие между мифами и суевериями можно очень рельефно проследить по их отношению к судьбе.

Мифы часто выражали нежелание человека покориться судьбе, а суеверия, напротив, проповедовали фатализм, возмездие, заставляя людей верить в то, что всё заранее предопределено и самое лучшее - склонить голову перед судьбой.

Поэтому и сами духи, управляющие судьбой, были различны. Персонажи мифов часто смело выступали против могущества духов, например Сунь У-кун против яшмового императора Юйхуана, Пастух и Ткачиха против царицы-матери - ван-му. Суеверия же проповедовали бессилие человека перед духами и таким образом делали людей рабами духов, готовыми принести себя в жертву. Мифы всегда воодушевляли людей освободиться от рабства и стремиться к жизни, достойной человека. Суеверия, воспитывая в людях чувство рабской покорности, приукрашивали оковы рабства. В этом заключается причина того, почему мы, выступая против суеверий,

восхваляем мифы». Таким образом, мифы - совсем не то, что суеверия. Однако в мифах в большей или меньшей степени имеются элементы суеверий, которые составляют их органическую часть, и их невозможно отделить от мифов. Например, в древних мифах немало удивительных преданий о рождении великих деятелей. Так, в «Книге песен» в стихотворении «Тёмная птица» говорится о том, что «небо послало тёмную птицу спуститься на землю и родить Шана». В сунской энциклопедии «Императорское обозрение годов Тайпин» - Тайпин юйланы в цз. 78 приведены из «Шихань шэньу» следующие слова: «Появились огромные следы на берегу Лэй-цзэ, а Хуа-сюй наступила на них и [после этого] родила Фу-си». Все эти предания содержат много элементов суеверий. Однако Фу-си и Шан Ци являлись в глазах древних людей истинными героями, и поэтому, несмотря на то что в преданиях, воспевающих героев, содержатся некоторые элементы суеверий, их следует рассматривать как мифы. Они отличаются от тех «мифов», которые создавались в последующие времена специально для того, чтобы воспеть чудесное происхождение императоров и князей. Эти два типа мифов следует отличать друг от друга. Кроме того, появление чертей и духов нельзя считать только влиянием суеверий. Необходимо обращать внимание на то, проповедуется ли с помощью образа того или иного духа покорность судьбе или же, напротив, он выступает против этого. Духи, таким образом, часто выражали ненависть древних к правителям. Мо-цзы в главе «Мингуйпянь» приводит рассказ о том, как Ду Бо превратился в духа отмщения и убил чжоуского Сюаньвана. Такие персонажи можно рассматривать как мифические. Следует очень осторожно проводить подобную тонкую работу по разграничению суеверий и мифов.

Мне хочется здесь также сказать несколько слов о различиях между мифами и легендами, между мифами и сказаниями о бессмертных.

Что такое миф и что такое легенда? Дать точное определение их очень трудно. Обычно мы не можем провести строгого разграничения между теми и другими, так как сами легенды возникают из мифов. Но в общем можно сказать, что мифы постепенно эволюционируют, главные персонажи в них очеловечиваются, а поступки их записываются в виде человеческих деяний - так создаётся легенда. То, о чём обычно повествует легенда, это или могучие герои древности, подобные стрелку И, поймавшему дикого кабана и перерубившему змею, или небесные влюблённые, подобные Ткачихе и Пастуху, которые раз в год встречаются на мосту из сорочьих хвостов, или же, наконец, истории о культурных героях, например о Пань-гу, о приручении шелкопряда и лошадей.

Легенды, формируясь в процессе развития цивилизации, постепенно отбрасывали всё необычайное, присущее мифам, и заимствовали то, что более или менее соответствовало реальному в представлении людей. Благодаря этому мы можем видеть, как чаяния народа приобретали характер реальности и как совершался переход людей от сравнительно низкого уровня культуры к более высокому этапу её развития. Что же касается различия между мифами и сказаниями о бессмертных, то этот вопрос мы можем выяснить на примере легенды о Пань-гу. Об этом герое Сюй Чжэн в «Исторических записях о трёх правителях и пяти императорах» говорит, что Пань-гу родился в хаосе, когда небо и земля напоминали куриное яйцо. Вдруг небо и земля отделились друг от друга: ян, светлое и чистое, стало небом, инь, тёмное и нечистое, стало землёй. После этого небо стало каждый день подниматься вверх на один чжан, а земля за день становилась толще на один чжан, и сам Пань-гу за день вырастал на чжан. Прошло восемнадцать тысяч лет, и небо поднялось высоко-высоко, а земля стала плотной и толстой. И сам Пань-гу стал высоким-высоким.

В этом рассказе, несмотря на наслоения фантазии, можно различить облик первобытной легенды, ещё не потерявшей характера прекрасного мифа. Однако, попав в сочинения даосов, он превратился в подлинную чепуху. Так, например, в «Записках о первых бессмертных» имеется запись, смысл которой таков.

Когда земля и небо ещё не были разделены, Пань-гу, назвавший себя первым небесным царём, путешествовал среди этого хаоса. Потом, когда небо и земля отделились, Пань-гу отправился жить во дворец на Гору яшмовой столицы - Юйцзин-шань, питался небесной росой и пил воду из земных ключей. Через несколько лет в горном ущелье из собравшейся там крови родилась девушка невиданной красоты, имя которой было Тайюань-юйнюй, что значит «Первая яшмовая дева». Спустившись с горы погулять, Пань-гу увидел её, и они поженились, он привёл её во дворец, где они и стали жить. У них родился сын, которого они назвали Тяньхуан - Небесный император, и дочь Цзюгуансюаньнюй - Чистая дева девяти лучей и т.д., и т.п. Разве всё это не измышления даосов? Такого рода сочинения мы обычно называем «сяньхуа» - сказания о бессмертных. В сяньхуа, как в даосском учении, на первый план выдвигается достижение счастья для одного человека. Поэтому в сяньхуа не могли появиться такие персонажи, как Нюй-ва, Гунь, Юй и подобные им герои мифов, готовые пожертвовать собой. По этому признаку мифы легко отличить от сяньхуа. Однако сяньхуа, которые входят в состав мифов, трудно отделить от последних. Например, надо полагать, что в рассказ из Хуайнань-цзы о стрелке И, который просил лекарство бессмертия у Си-ван-му, и Чан-э, укравшей его и убежавшей на луну, вкраплены элементы сяньхуа, а мы по-прежнему причисляем это к мифам. С другой стороны, сяньхуа, которые повествуют о деяниях бессмертных, весьма часто и по содержанию, и по стилю близки к мифам и отличаются от сяньхуа, которые подверглись переделке даосов. Эти сяньхуа мы и должны при исследовании и изучении рассматривать в рамках мифологии.

Что касается вопроса, зачем исследовать мифы, то ниже попытаюсь объяснить это.

Мифы созданы на заре истории человеческого общества. По мифам мы можем судить, каковы были представления и мысли у трудовых людей древности: как они представляли мироздание, как воспевали народных героев, каким образом стремились улучшить свою жизнь, как прославляли труд и борьбу и т.д., и т.п. Кроме того, исследуя мифы, мы ещё лучше поймем, как надо любить жизнь и народ.

Представляя сами по себе весьма большой интерес, мифы оказали значительное влияние на литературу и искусство, придав им особую прелесть и свежесть. Скульптура древних греков прекрасна именно своей теснейшей связью с мифами. То же самое можно сказать о Тао-те, Кув, Кув-драконе, Кув-фениксе, водяном и однокором драконах, об удивительных птицах и зверях, изображения которых украшали треножки и сосуды

эпох Инь и Чжоу. Мифологические представления наложили свой отпечаток на эти произведения искусства. Великий Цюй Юань в «Элегии отрешённого», в «Вопросах к небу», «Девяти напевах» обращается к образам героев мифов, скорбя о гибели княжества Чу. Его поэзия, подобно египетской стенной росписи и индийскому эпосу, насыщена элементами мифологии.

Но следует иметь в виду, что мифы, не будучи историческими свидетельствами, в какой-то мере смогли отразить историю. Разумеется, абсурдно во всех персонажах мифов видеть древних императоров и князей, однако в равной степени неправильно пренебрегать содержанием мифов в какой-то степени исторического характера. В мифах мы можем обнаружить отражение исторической действительности. Например, под борьбой между Хуан-ди и Чи-ю скрывается имевшее место в центральной равнине столкновение людей монгольского племени и племен южной части Тихого океана, под историей о горах Куньлунь и Си-ван-му - возникновение культурных связей между китайскими и тибетскими племенами.

Мифы отражают и национальный характер. Так, китайские мифы в какой-то мере отражают особенности китайской нации. Наш народ с гордостью может говорить о героях древних мифов. Повествуя о необычайной выносливости и силе, о разнообразных чаяниях народа, китайские мифы выражают дух самоутверждения наших далёких предков. В самом деле, для нас, их потомков, это прекрасные образцы для подражания. Изучая мифы, мы можем понять истоки нашего национального характера.

Глава II. Как создавался мир

1. О чём вопрошал Цюй Юань в стихотворении «Вопросы к небу»? Как Шу просверлил Хунь-туню семь отверстий. Боги тьмы и света управляют небом и землёй. Цзюй-лин создаёт горные потоки, прокладывает русла рек. Как были наказаны ленивые супруги, усмирявшие наводнение. Гуй-му проглатывает своих сыновей. Дракой, держащий свечу, с горы Чжуншань.

«Кто мог донести до нас рассказы об изначальных временах? На основании чего можно судить о той поре, когда земля ещё не отделилась от неба? Кто мог проникнуть взором в глубь тогдашнего хаоса и как можно различить, что вращалось в этом круговороте?»

Из бескрайней тьмы возник свет.- Почему он возник? Соединившись, образовались силы Инь и Ян.- Что их породило и откуда они взяли начало? Девять кругов имеет небесный свод.- Кто их воздвиг? Кто мог быть первым строителем этого величественного сооружения?».

Две тысячи триста лет тому назад поэт Цюй Юань в одном из своих знаменитых стихотворений вопрошал о том, как возникли небо и земля, как образовалась вселенная и кто отделил небо от земли.

В его «Вопросах к небу» отразились мифы и легенды древности, осколки которых содержатся в ранних философских трактатах. Цюй Юань только ставит вопросы, но не отвечает на них, записи в древних книгах также крайне скудны и лаконичны, и нам, живущим более двух тысяч лет спустя, очень трудно восстановить подлинный облик древнейших мифов.

Вот басня, напоминающая миф из древней книги Чжуан-цзы, более ранней, чем приведенное выше стихотворение. История такова: «Владыку Южного моря звали Шу - Быстрый, владыку Северного моря звали Ху - Внезапный, а владыку Центра - Хунь-тунь - Хаос. Шу и Ху часто ради развлечения навещали Хунь-туня. Хунь-тунь встречал их необычайно приветливо и предупредительно. Однажды Шу и Ху задумались о том, как отплатить ему за его доброту. Каждый человек, сказали они, имеет глаза, уши, рот, нос - семь отверстий на голове для того, чтобы видеть, слышать, есть и т.д. У Хунь-туня не было ни одного, и жизнь его не была настоящей прекрасной. Самое лучшее, решили они, пойти к нему и просверлить несколько отверстий. Взяли Шу и Ху орудия, подобные нашим топору и сверлу, и отправились к Хунь-туню. Один день - одно отверстие, семь дней - семь отверстий. Но бедный Хунь-тунь, которого лучше его друзья так издырявили, печально вскрикнул и приказал долго жить». Эта басня с некоторым комическим оттенком включает в себя мифологическую концепцию сотворения мира. Хотя Хунь-тунь, на теле которого Шу и Ху, олицетворявшие быстротечность времени, просверлили семь отверстий, умер, но в результате возникли вселенная и земля.

«Книга гор и морей» рассказывает, что в западной части гор Тянь-Шань жила священная птица, напоминавшая своим видом жёлтый мешок; она могла краснеть и тогда становилась похожей на огненно-красный шар, у неё было шесть ног и четыре крыла, но не было у неё ни ушей, ни глаз, ни рта, ни клюва; она понимала песни и пляски; звали ее Ди Цзян.

Ди Цзян - это то же, что и Ди Хун, то же, что и Хуан-ди, которого считают верховным владыкой Центра. Поэтому в притче Чжуан-цзы он выступает уже как верховное божество Центра. Некоторые считают Хунь-туня сыном Хуан-ди. Это предание, пожалуй, возникло в более поздние времена.

Но был ли Хунь-тунь самим небесным императором или же его сыном, - тёмный, бесформенный хаос не нравился никому, кроме даосов, которые стремились к «возврату к природе», «пассивному восприятию», «управлению без действия» и т.д. Поэтому в преданиях последующих поколений Хунь-тунь превратился в нечто неприятное. В «Книге о чудесном и необычном» говорится, что Хунь-тунь - это дикий зверь, похожий сразу на собаку и бурого медведя, имеющий глаза, но ничего не видящий, имеющий уши, но ничего не слышащий. Так как глаза его слепы, то сам он передвигается с большим трудом. Но стоит кому-нибудь забрести в те края, как он

тотчас же почует это. Столкнется с добродетельным человеком - и в дикой ярости набрасывается на него, а если встретится со злым насильником, то, низко припадая, кивая головой и махая хвостом, начнёт ластиться к нему. Такой подлый характер был дан ему природой. Когда ему нечего делать, он, кружась, с удовольствием кусает свой собственный хвост, задирает голову, смотрит на небо и громко хохочет. Из этого предания можно заключить, - что слово «хуньтунь» - «мрак» воспринималось тогда явно как отрицательное.

Общеизвестный миф о возникновении вселенной записан в книге под названием Хуайнань-цзы, созданной во II в. до н.э. В глубокой древности, когда ещё не было ни неба, ни земли, мир представлял собой лишь мрачный, бесформенный хаос. И в этом мраке постепенно родились два больших духа - Инь и Ян, которые с огромным усилием начали упорядочивать мир. Впоследствии Инь и Ян разделились, и установилось восемь главных направлений в пространстве. Дух Ян стал управлять небом, дух Инь - землёю. Так был создан наш мир.

Этот миф, с явным философским оттенком, не представляет большого интереса с точки зрения мифологии.

Более интересен для нас миф о небесном духе Цзюйлин. Говорят, что он появился одновременно с первоначальной субстанцией, его же называют истинной матерью девяти начал. Он был настолько всемогущ, что смог создать горы и долины, пустить большие и малые реки, поэтому его можно считать первотворцом. Говорят, происходил он из верховьев реки Фын-шуй и первоначально был духом реки. Издревле поперёк Хуанхэ стояла гора Хуашань. Цзюйлин, «пинаемая ногами и раскачиваемая её руками», расколол её и раздвинул, так что река потекла прямо. По сей день ещё сохранились на горе Хуашань следы, похожие на отпечатки рук и ног духа Цзюйлина.

Можно предположить, что для подобных преданий даосы взяли излюбленный ими образ духа реки и сделали его первотворцом, отделившим небо от земли. Благодаря этому искусственному приукрашиванию от мифа не осталось и следа.

Когда речь заходит о духе реки Цзюйлине, невольно вспоминается одно древнее предание о двух ленивых супругах-великанах, которые прокладывали русла для разлившихся вод.

Согласно преданию, когда небо и земля были только что созданы, на земле был потоп, поэтому верховный правитель Шан-ди послал великана Пу-фу и его супругу усмирить разлившиеся воды. Оба они не имели себе равных, ростом были в тысячу ли и по стольку же в объёме. Эти два огромных толстяка, конечно, очень мало заботились о порученной им трудной работе и выполняли её без всякого усердия, лишь бы поскорее закончить. Русла рек, которые они проложили, в одних местах были вырыты глубоко, в других - мелко, где засорены, а где запружены, - одним словом, вся работа пошла насмарку. Поэтому спустя много лет трудолюбивый Юй вновь усмирил разлившиеся воды. Небесный император, разгневанный нерадивостью супругов, в наказание оголил их тела и, совершенно обнажённых, поставил рядом друг с другом посреди обширной пустыни на юго-востоке. Ни в холод, ни в жару они не пили и не ели, лишь небесной росой утоляли свой голод и жажду. И только когда очистилась вода в Хуанхэ, этим супругам было разрешено «вернуться к своим обязанностям».

Согласно преданию, чтобы очистить воды Хуанхэ, нужно было прервать связь реки с морем. Разумеется, это было делом неосуществимым, и поэтому чете великанов только и оставалось, что вечно стоять в пустыне, обнажёнными, под лучами солнца.

В истории о супругах Пу-фу в некоторых моментах проступает облик древнего мифа. Деятельность этих двух людей, упорядочивших воды, также несколько напоминает деятельность первотворца вселенной. Однако, к сожалению, записанная история кажется незаконченной.

Вот ещё один миф о матери бесов - Гуй-му. Гуй-му, жившую в горах Сяюйшань у Южного моря, называли ещё Гуй-гушань. У неё была голова тигра, ноги дракона - луна, брови, как у четырёхпалого дракона, глаза, как у водяного дракона, облик её был удивительно причудлив. Она смогла породить небо, землю и чертей. За один раз она могла родить десяток чертей, утром рожала, а вечером проглатывала их, как лакомство. Этот персонаж чем-то напоминает создателя всех вещей, но, к сожалению, будучи бесовкой, съевшей своих детей, что весьма неэтично, она так и осталась «матерью бесов».

Перебирая мифических первосоздателей вселенной, в заключение нельзя не вспомнить о духе Чжу-лун - драконе со свечой с горы Чжуншань, рассказ о котором записан в древней «Книге гор и морей». Этот дух с лицом человека, телом змеи, с кожей красного цвета был длиной в тысячу ли. У него были необычные глаза, похожие на два вертикально стоящих оливковых дерева, а когда он закрывал их, они были как две прямые вертикальные щели. Стоило ему лишь приоткрыть глаза, как в мире наступал день, а когда он закрывал глаза, на землю спускалась ночь; стоило ему подуть, как появлялась пелена красных облаков, падал хлопьями сильный снег, и наступала зима; дохнёт - тотчас красное солнце начинало палить, текли металлы и плавилась камни, и наступало лето. Он лежал, свернувшись, как змея: не ел, не пил, не спал и не дышал, - как только дохнет, подует ветер на десять тысяч ли. Светом свечи, которую Чжу-лун держал во рту, он мог освещать высочайшие сферы неба и глубочайшие пласты земли и, где царил вечный мрак. А так как он всегда держал во рту свечу и освещал мрак в небесных воротах на севере, то его ещё называли Чжу-инь (чжу - значит "свеча", инь - "темнота") - Освещающий мрак.

Чжу-лун и в самом деле похож на первотворца. Однако, сохранив явные черты живого существа, - он всё-таки не смог, подобно другим знаменитым небесным духам, превратиться в человека. Он не стал в глазах людей первотворцом и остался лишь духом одной из гор, несмотря на свой удивительный облик и необычайную силу. Можно сказать, что ему действительно не повезло.

2. Сказание о драконовой собаке Пань-ху. От Пань-ху к Пань-гу. Пань-гу отделяет небо от земли. Божественная сила Пань-гу и его превращение. Пань-гу и дракон, держащий свечу. Место погребения Пань-гу.

Кто сотворил небо и землю? Прежде чем говорить об этом, я позволю себе рассказать одну историю об удивительном и отважном псе, который уничтожил врага и в награду получил в жёны прекрасную принцессу.

Рассказывают, что в древние времена, когда правил Гао-синь-ван, у его жены неожиданно заболело ухо. Ровно три года не прекращались боли, сотни врачей пытались вылечить её, но безуспешно. Потом из уха выскочил маленький, напоминающий шелкопряда, золотистый червячок длиной около трёх вершков, и болезнь тотчас же прошла. Княгиня очень удивилась, посадила этого червячка в тыкву-горлянку и прикрыла блюдом. Кто мог знать, что червячок под блюдом превратится в прекрасного пса, словно покрытого парчой с ослепительно блестящими разноцветными узорами? А так как он появился в тыкве-горлянке под блюдом, ему дали имя Пань-гу (пань - по-китайски "блюдо", гу - тыква). Гао-синь-ван, увидев Пань-гу, очень обрадовался и с этого времени не отпускал его от себя ни на шаг. В то время князь Фан-ван неожиданно поднял мятеж. Гао-синь-ван испугался за судьбу государства и обратился ко всем сановникам со словами: «Если найдётся человек, который принесет мне голову Фан-вана, я отдам ему в жёны свою дочь».

Сановники знали, что войско у Фан-вана сильное, победить его трудно, и не решались отправиться навстречу опасности. Рассказывают, что в тот же день Пань-гу исчез из дворца, и никто не знал, куда он убежал. Искали несколько дней подряд, но не нашли никаких следов, и Гао-синь-ван был очень опечален.

Тем временем Пань-гу, оставив дворец Гао-синь-вана, прямехонько направился в военный лагерь Фан-вана. Увидел Фан-вана - и завил хвостом, и завертел головой. Фан-ван чрезвычайно обрадовался и, обратившись к своим сановникам, сказал:

Боюсь, что Гао-синь-ван скоро погибнет даже его собака бросила его и прибежала служить мне. Посмотрите, это принесёт мне успех!

Фан-ван устроил большой пир по случаю радостного предзнаменования. В тот вечер Фан-ван хватил лишнего, захмелел и заснул в своём шатре. Воспользовавшись этим, Пань-гу подкрался к нему, вцепился ему зубами в горло, отгрыз голову и стремглав бросился обратно во дворец. Увидел Гао-синь-ван, как его любимый пес, держа в зубах голову врага, вернулся во дворец, и радости его не было предела, и приказал он людям дать псу побольше мелко нарубленного мяса. Но Пань-гу только понохал блюду, отошёл прочь и печально лег спать в углу комнаты. Пань-гу перестал есть и лежал без движения, а когда Гао-синь-ван звал его, он не вставал на зов. Так продолжалось три дня.

Гао-синь-ван не знал, что и делать, и наконец спросил Пань-гу:

- Пёс, почему ты ничего не ешь и не подходишь, когда я зову тебя? Неужели ты думаешь получить в жёны мою дочь и злишься на меня за то, что я не сдержал своего обещания? Не в том дело, что я не хочу сдерживать обещания, но ведь пёс в самом деле не может взять в жёны девушку. Пань-гу вдруг сказал человеческим голосом:

- Не печалься об этом, князь, а только посади меня на семь дней и семь ночей под золотой колокол, и я смогу превратиться в человека.

Очень удивился князь, услышав такие слова, но исполнил просьбу своего пса и посадил его под золотой колокол, чтобы посмотреть, как произойдёт превращение.

Прошел день, второй, третий... Наступил шестой день. Добрая принцесса, с нетерпением ожидавшая свадьбы, боялась, что пёс умрет от голода, и тихонько приподняла колокол, чтобы посмотреть на Пань-гу. Тело Пань-гу уже превратилось в человеческое, и только голова всё ещё была собачьей, но теперь она уже не могла превратиться в человеческую. Пань-гу выбежал из-под колокола, накинул на себя одежду, а принцесса надела шапку в форме собачьей головы. И они стали мужем и женой. Потом Пань-гу со своей женой ушёл в Южные горы и поселился в пещере среди диких гор, куда никогда не ступала нога человека.

Принцесса сняла дорогие и красивые одежды, надела простое крестьянское платье, принялась трудиться и не роптала, а Пань-гу каждый день уходил на охоту. Так они и жили в мире и счастье. Через несколько лет у них родились три сына и дочь. Тогда они взяли детей и отправились во дворец навестить тестя и тещу. А так как у детей ещё не было имени, то они попросили Гао-синь-вана дать им имена. Старшего сына после рождения положили на блюдо, вот его и назвали Пань - Блюдо, второго сына после рождения положили в корзину и назвали его Лань - Корзина. Младшему сыну никак не могли придумать подходящего имени. Вдруг небо разверзлось и загрохотал гром, поэтому его назвали Лэй - Гром. Когда дочь стала взрослой, её выдали замуж за отважного воина, и она получила его фамилию - Чжун - Колокол. Впоследствии люди из этих четырёх родов - Пань, Лань, Лэй и Чжун - пережились между собой и из их сыновей и внуков возник народ, среди которого все почитали Пань-гу как общего предка.

В дальнейшем миф о Пань-гу ещё более развился. Это проявилось, в частности, в эпизоде с топором. В книге Чжоу Ю «Сказание о сотворении мира», написанной в начале XVII в., говорится: «[Пань-гу] вытянулся, толкая небо дальше ввысь, а землю вниз. Всё же между небом и землёй оставалась перемычка. Тогда он взял в левую руку долото, в правую руку - топор и принялся долбить долотом и рубить топором. И так как обладал он волшебной силой, в конце концов сумел отделить небо от земли» (глава I, «Пань-гу отделяет небо от земли»).

Итак, у Пань-гу появляется не только топор, но и долото; следовательно, он овладевает двумя могучими орудиями труда. «Принялся долбить долотом и рубить топором» - в этом развитии мифа о Пань-гу романтически и в то же время реалистически отражена великая мысль о том, что всё на земле создано трудом.

Это же предание с теми или иными изменениями распространено среди народностей Южного Китая - яо, мяо, ли и др.

Известно, что люди яо приносят жертвы Пань-гу, называя его Пань-ваном - князем Пань. По их представлениям, жизнь и смерть людей, долголетие, богатство и бедность - всё находится в его руках. Всякий раз, когда случается засуха, они непременно молятся Пань-вану, при этом они выходят с его изображением на поля и обходят посевы.

У народности мяо также имеется предание о Пань-ване, напоминающее рассказ о сотворении мира из Ветхого завета. Народ мяо воспевае его как создателя различных орудий и вещей. В III в. н.э. Сюй Чжэн написал «Исторические записи о трёх правителях и пяти императорах», в которых использовал предания о Пань-гу, распространённые среди народностей Южного Китая. Добавив философские элементы из древних классических книг, а также свои собственные представления, он изобразил его творцом вселенной, отделившим небо от земли во времена всемирного хаоса, и превратил его в общего предка всех китайцев.

Как же были в конце концов отделены земля и небо, как создавалась вселенная? В китайской мифологии есть ответ и на этот вопрос.

Согласно преданиям, в то время, когда ещё земля и небо не отделились друг от друга, вселенная представляла сплошной хаос и по форме напоминала огромное куриное яйцо. В нём зародился наш первопредок Пань-гу. Он вырос и, тяжело дыша, заснул в этом огромном яйце. Прошло восемнадцать тысяч лет, прежде чем он вдруг проснулся. Приоткрыл глаза, чтобы осмотреться, но, увы! - ничего не увидел: вокруг него был сплошной чёрный и липкий мрак, и сердце его наполнилось тоской. Не зная, как выбраться из этого яйца, Пань-гу схватил невесть откуда взявшийся огромный топор и с силой ударил им мрак перед собой. Раздался оглушительный грохот, какой бывает, когда трескаются горы,- хуа-ла! - огромное яйцо расколосось. Всё легкое и чистое тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное опустилось вниз и образовало землю. Так небо и земля, представлявшие вначале сплошной хаос, благодаря удару топором отделились друг от друга. После того как Пань-гу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпёр головой небо. Так он стоял, изменяясь вместе с ними. Каждый день небо становилось выше на один чжан, а земля становилась толще на один чжан, и Пань-гу вырастал на один чжан.

Прошло ещё восемнадцать тысяч лет - небо поднялось очень высоко, земля стала очень толстой, а тело Пань-гу также выросло необычайно. Какого же роста стал Пань-гу? Говорят, что его рост равнялся девяти тысячам ли. Как высочайший столб стоял великан Пань-гу между небом и землёй, не позволяя им вновь превратиться в хаос. Так стоял он, один-единственный, поддерживая небо и упираясь в землю, и не заметил в этой тяжёлой работе, как прошли целые эпохи. Наконец небо и земля, видимо, стали достаточно прочными, и Пань-гу мог больше не опасаться, что они соединятся вновь,- ведь ему тоже надо было отдохнуть. В конце концов он, подобно всем людям, упал и умер. Вздых, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос - громом, левый глаз - солнцем, правый - луною, туловище с руками и ногами - четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь - реками, жилы - дорогами, плоть - почвою, волосы на голове и усы - звездами на небосклоне, кожа и волосы на теле - травами, цветами и деревьями, зубы, кости, костный мозг и т.п. - блестящими металлами, крепкими камнями, сверкающим жемчугом и яшмой, и даже пот, выступивший на его теле, казалось бы, совершенно бесполезный, превратился в капельки дождя и росу. Одним словом, Пань-гу, умирая, всего себя отдал тому, чтобы этот новый мир был богатым и прекрасным.

Существуют и другие предания о волшебной силе и превращениях Пань-гу. По одной версии, слёзы, вытекшие из его глаз, превратились в реки, вздох - в порыв ветра, голос - в раскаты грома, блеск глаз - в молнию.

Рассказывают ещё, что ясная погода бывает тогда, когда Пань-гу радуется, а стоит только ему рассердиться, как небо заволакивается тяжёлыми дождевыми тучами. Существует ещё одно удивительное сообщение о том, что Пань-гу имел голову дракона и туловище змеи. Когда он вдыхал - поднимались ветер и дождь, а когда выдыхал - гремел гром и сверкала молния, открывал глаза - наступал день, закрывал - спускалась ночь,- почти как дух Чжу-лун с горы Чжуншань, описанный в «Книге гор и морей».

При всех расхождениях в описании Пань-гу общим является то, что все люди почитали его как парвопредка, отделившего небо от земли. Поэтому предание рассказывает, что в Южном море есть могила Пань-гу длиной триста ли. А ещё есть рассказ о государстве Паньгуго, в котором все жители носили фамилию Пань-гу, и т.п.

3. Боги создают людей. Фу-си и Нюй-ва на ханьских картинах. Заточение и бегство бога грома. Великая роль одного зуба. Фу-си и Нюй-ва прячутся в тыкве-горлянке от потопа. Женитьба брата и сестры. Откуда пошли люди?

Мы уже рассказали о том, как были сотворены небо и земля. Но как же появились люди на земле? Сравнительно ранней версией о появлении людей является версия о том, что люди, как об этом уже говорилось в первой главе, произошли в результате взаимодействия двух великих богов Инь и Ян.